

Вине Меир

**САД ЧЕРНЫХ РОЗ.
ПОПАДАНКА ДЛЯ ТЕМНОГО**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М45

Меир В.
М45 Сад черных роз. Попаданка для темного / Вине Меир – М.: Литнет, 2026. – 298 с.

ISBN 978-5-521-99104-4

Меня волокли по коридору, вверх по узкой лестнице. Где-то в глубине сознания, сквозь туман боли и унижения, пробивались чужие слова: «Герцогу понравится подарок». Значит, меня везут не просто в бордель. Меня везут к нему. Лично. В качестве живого трофея, оплаты по долгу. Встреча с Калемом Рэйвенхерстом была тем, чего я втайне хотела, но совсем не таким образом. Теперь это была не возможность договориться, чтобы выйти из сюжета живой. Это была аудиенция у палача. Не успела попасть в другой мир, как стала разменной монетой в долге своего «отца». Но все ли будет так плохо? Или у меня еще есть шанс выжить?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99104-4

© Литнет, 2026
© В. Меир, 2026

С уст сорвался тихий, предательский стон. Не от страха. От этого внезапного, запретного, приятного ощущения, которое разлилось по жилам теплом, противостоя ледяющему ужасу в глубине сознания. Чёрт поberi.

– Не дёргайся, – прозвучал над самым ухом низкий, бархатный голос, в котором слышалось холодное спокойствие и... наслаждение ситуацией. – И больно не сделаю. Пока.

Этот голос. Я слышала его лишь однажды, мельком, на балу, но забыть его было невозможно. Глубокий, властный, с лёгкой хрипотцой. Калев Рейвенхерст.

Его губы снова коснулись кожи на моей шее, но теперь это был уже не просто намёк. Я почувствовала острое, точечное давление, лёгкий укус, за которым последовала волна странного, дурманящего тепла. Не боли. Скорее... головокружения. Он не просто кусал. Он «пил». Медленно, почти ласково, его рот прильнул к тому месту, а язык скользнул по коже, заставляя меня содрогнуться.

Рука, лежавшая на бедре, сдвинулась выше, скользнула по внутренней стороне бедра, заставив всё моё тело напрячься в ожидании, в ужасе и в каком-то порочном, неконтролируемом любопытстве. Пальцы двигались с уверенностью человека, знающего, что ему принадлежит. Каждое прикосновение было одновременно лаской и напоминанием о моей полной беспомощности.

– Ты пахнешь непокорностью, – прошептал он. Его губы оторвались от моей шеи на мгновение. – Интересная...

Я попыталась заговорить, протестовать, но из горла вырвался лишь ещё один сдавленный звук. Его рука продолжала своё медленное, неумолимое движение, ладонь теперь лежала на самом интимном месте, лишь тонкий слой ткани отделял его кожу от моей. Давление было лёгким, но недвусмысленным.

– Про... шу...

– Что? Хочешь больше? Проси громче...

Глава 1

Шум кондиционера, приглушенный гул голосов, мерцание экранов – всё это сливалось в один монотонный гул, под который так легко было провалиться в себя. И Я, Анна Калинина, двадцать шесть лет, старший специалист отдела, который никто никогда не замечает, сейчас пялилась не в таблицу Excel, а в пустоту за монитором. Ну... Точнее, не в пустоту. На фигуру у кулера в дальнем конце зала.

Андрей. Просто Андрей из логистики. Не «тот самый» из романтических комедий, не герой романа. Нет. Обычный парень в обычной синей рубашке и темных джинсах, которые, кажется, у него одни на всю неделю. Может, конечно, он просто покупает одинаковые, чтобы слишком не заморачиваться из-за внешнего вида, но какое-то в этой обыденности была какая-то гипнотическая притягательность. Может, в том, как он с сосредоточенным, чуть нахмуренным видом менял бутылъ, и мускулы на его предплечье плавно напрягались и расслаблялись под тонкой тканью. Простая, земная физиология, лишённая всякого пафоса. А может, его простое, не отталкивающее, но непримечательное лицо, и эта улыбочка на губах.

Да. Мне этого и хотелось – чего-то простого и приземленного. Не страстей, а тишины. Не взрывов эмоций, а совместной поездки на машине в субботу утром, когда не нужно говорить, можно просто молчать, глядя в окно.

Я мысленно дорисовывала эти картинки, пока реальность медленно отступала. Но стоило представить, как я подхожу и говорю что-то не о работе, как в горле тут же возникал ком, а слова в голове путались в нелепый, жалкий клубок. Так и жила – в параллельных мирах: в одном наблюдала, в другом – мечтала, а в третьем, настоящем, молчала.

– Анют, витаешь в облаках! Или уже в его объятиях?

Резкий шёпот справа врезался в мои грёзы, как нож в масло.

Я вздрогнула всем телом. Елена. Моя лучшая подруга, мой личный пророк и одновременно самый беспощадный зеркальщик. Она хихикнула.

Я моргнула. И с удивлением обнаружила, что верчу в пальцах ту самую дорогую гелиевую ручку – трофей с прошлого квартала, символ моей якобы «ценности». И что по моему указательному пальцу стекает тонкая чёрная струйка. Она уже успела оставить на чистом бланке отчёта маленькую, но красноречивую кляксу.

– А? Ой, чёрт! – вырвалось у меня, и я судорожно швырнула ручку на стол, как предателя. Схватила салфетки, давя на них так, будто хотела уничтожить саму память о случившемся и принялась тереть ими по руке, пытаясь хоть как-то исправить это положение.

– Говорю же, чернила потекли, – усмехнулась подруга, откидываясь на спинку кресла с видом кошки, наблюдающей за мышкой. – Но, похоже, не только они, да? – Она игриво подняла брови, и в её глазах заплясали знакомые искорки, не предвещающие ничего хорошего. – Что, Андрейка окончательно покорило твоё сердце своим мастерским обращением с бутылками? А он, между прочим, совершенно свободен. Так, на всякий случай, информация к размышлению.

Я почувствовала, как по моей шее медленно и неумолимо поползло предательское тепло. Оно подбиралось к щекам, к ушам, готовясь выдать меня с головой. Я ненавидела эту свою физиологическую несвободу. Ненавидела, как тело отказывалось подчиняться, выдавая все мои глупые, никому не нужные чувства. И больше всего в этот момент я ненавидела Елену за то, что она видит это всё без микроскопа. Почему мы до сих пор дружим?

– Чего? – выпалила я, слишком громко, слишком резко для офисной усыпляющей тишины. Несколько голов из соседнего отсека повернулись – не с интересом, а с ленивым, мимолётным раздражением. Ещё одна причина для стыда. – Ничего и не приглянулся! – шикнула я намного тише, – Просто... задумалась.

– Задумалась, – скептически протянула она, растягивая слово,

будто пробуя его на вкус и находя его фальшивым. – Ты на него уже минут пять таращишься, как сом на новую корягу. Даже не заметила, как ручка устроила тебе мини-татуировку. И это ты называешь «просто задумалась»? Мне, наверное, стоит приглянуться к словам. Потому что иначе я не понимаю значения этих слов.

– Я тебе лично такой подарю, – выдала я. Раздражение подкапало прямо к горлу. Оно было направлено на всё: на свою неловкость, на Елену за её безжалостную ясность, на Андрея за его спокойную неосведомлённость, на эту дурацкую ручку, на этот проклятый офис, на всю мою жизнь, которая сводилась к наблюдению из-за монитора.

– Не носи ерунды, Лен! – бросила я, вставая. Стул издал пронзительный скрип по полу. – Всё. Отстань. У меня работа. Надо себя в порядок привести!

Я схватила пачку салфеток – они холодно хрустнули в моей потной ладони – и, не глядя на подругу, направилась прочь.

Моя походка, которую я пыталась сделать уверенной, вышла деревянной, как у манекена. Каждый шаг отдавался в висках. Уборная. Мне нужно было дойти до уборной, умыться холодной водой, стереть с пальца это чёрное пятно и с лица – этот жар. Спрятаться, хотя бы на пять минут, от всех этих глаз, которые, как мне казалось, теперь видят меня насквозь. Как и он, что на мой возглас повернулся, вопрошательно смотря.

Стыдоба...

А тут тихо и спокойно.

Я включила воду – ледяную, как всегда, в этом офисе никогда ничего не работает как надо, – и начала с яростью тереть пальцы. Мыльная пена взбивалась в белесые хлопья, смешиваясь с чёрными разводами, но толку было ноль. Эти чернила въелись намертво.

– Чёрт возьми, – шумно выдохнула я, прекращая это бесполезное театральное действо. Облокотилась влажными, леденящими ладонями о холодную же столешницу раковины и уставилась на своё отражение. На ту, что смотрела на меня из зеркала каждый день.

Каштановые волосы, у корней уже проглядывала тёмная полоска – мамина «русская прядка», как она её называла. Собрано в небрежный хвост, из которого вечно выбивались тонкие пряди. Серо-зелёные глаза. Мама говорила: «цвет морской волны в пасмурный день». Я же видела в них лишь неопределённость. Прямой нос, ничем не примечательный. Губы обычные, не тонкие и не пухлые. Бледная кожа, на которой от бессонных ночей и сидения перед монитором уже легли лёгкие, но упрямые тени под глазами. Ни красивой, ни уродливой. Средней. Такой, как тысячи других. Невзрачной. Человек-фон.

Да. Я никогда не была фанаткой радикальных перемен. Моя вселенная укладывалась в чёткие, безопасные рамки: стрижка раз в полгода у Татьяны из салона у метро – ведь она не задаёт лишних вопросов. Бесцветный лак или просто уход за кутикулой – дресс-код не нарушает. Может, чуть подкрасить волосы у корней, чтобы скрыть ту самую прядку. Но наращивать ресницы? Колоть в губы гиалуронку? Зачем? Чтобы потратить кучу денег, перетерпеть боль и неловкость, а в итоге всё равно остаться собой, только с чужим, не своим лицом? Нет, это было не про меня.

«Хотя... стрижку можно освежить», – промелькнула мысль, маленькая, коварная и тихая. Я наклонилась ближе к зеркалу, разглядывая отросшие, безжизненные кончики. «Каре? Чёткое, графичное. Или... лёгкую химию? Чтобы такие волны были, немножко небрежные».

И тут же, без моего разрешения, мысленный взор услужливо нарисовал картину: я вхожу в офис с новой, стильной причёской, волосы блестят, укладка держится. Андрей поднимает голову от монитора. Его взгляд – обычный, рассеянный – скользит по мне, задерживается. Всего на секунду дольше. А в его глазах появляется та самая искорка, которую я так жадно искала в своих фантазиях. Интерес. Не как к коллеге, а как к женщине.

«Или... перманент? Чтобы глаза казались выразительнее?» – сама

удивилась я этой настойчивой, почти навязчивой идее. Сердце ёкнуло где-то в районе желудка. Неужели? Неужели, чтобы поймать этот мимолётный взгляд, я готова была на такое? На то, чтобы изменить саму себя, пусть и временно? Стать немного другой, не собой?

Горячая волна, как там, смесь стыда, злости и какого-то острого самоотвращения – нахлынула изнутри, смывая все эти дурацкие картинки.

– Нет уж! – твёрдо, почти с вызовом проговорила я вслух, отталкиваясь от раковины. – Вот ещё! Буду я из-за кого-то меняться! Это же... унижительно.

Я вытерла руки бумажным полотенцем, с силой смяв его в тугую, мокрый комок, и швырнула в урну. Попала точно. Маленькая победа. Но тут же, из самой глубины, поднялся тихий, неуверенный голосок, похожий на шёпот: «А если он и правда обратит внимание? Если... понравлюсь ему вот такой, какая есть? Просто так. Без химии, без новой стрижки. Просто потому что я – это я?»

В этот самый момент из соседней кабинки донёсся звук смыва воды в унитаз.

Я вздрогнула всем телом, как пойманная на горячем. Мысль о том, что весь мой жалкий монолог, все эти внутренние метания мог кто-то подслушать, заставила кровь с силой прилить к лицу. Щёки запылали так, что стало физически жарко. Не думая, почти бегом, я выскочила из уборной, устремив взгляд в пол, стараясь не встречаться глазами с выходящей оттуда женщиной – Маргаритой Петровной из бухгалтерии, чей пронизательный взгляд, казалось, прожигал меня насквозь и определенно точно знал, о чем я там подумывала.

«Нет... я все-таки идиотка».

Глава 2

Вечер тянулся мучительно медленно. Хочется домой. Уже достало все это. А может, уволиться? Нет... чем платить за квартиру? Не хочу возвращаться в родительский дом.

Черт бы побрал это руководство! И этот «срочный и важный» проект по договорам, что свалился на нас, как бетонная плита, заставив весь отдел вжаться в кресла! Я пробивалась сквозь дебри юридических формулировок, чувствуя, как череп наливается свинцом, а веки наливаются тяжестью, будто их кто-то подвешивает на невидимых грузиках.

Украдкой глянула на часы в углу монитора – 20:40. Взгляд сам собой, предательски, сорвался в сторону отдела логистики. Стол Андрея был пуст. И тут же я увидела его – у самого выхода, уже в куртке, с сумкой через плечо. Он посмотрел в мою сторону. Поймав мой взгляд, улыбнулся. Просто. По-дружески. И помахал рукой. Небрежно, легко. Потом развернулся и вышел за стеклянную дверь.

У меня на мгновение перехватило дыхание. Этот жест, этот взгляд... в моём уставшем, забитом параграфами мозге он вспыхнул не искрой, а целым фейерверком – маленьким, глупым, но ослепительным. Я машинально, смущённо помахала ему в ответ в пустоту, хотя он уже давно не видел.

«Просто вежливость, – тут же одёрнула я себя, заставляя пальцы снова застучать по клавиатуре. – Коллегиальная вежливость. Не придумывай».

Но тёплое, дурацкое, сладкое чувство уже разлилось под рёбрами, согревая изнутри и делая унылый текст на экране чуть менее ненавистным.

Город встретил меня не дождём, а холодным, пронизывающим до костей ливнем. Вода не падала, а низвергалась сплошной, гулкой стеной, превращая асфальт в чёрное, рябое зеркало, где тонули кроваво-красные и ядовито-синие отражения неона. Я раскрыла зонт, но первый же шквалистый порыв ветра вывернул его наизнанку с громким, похабным хлопком. Ткань захлестнула мне лицо, мокрые спицы блеснули, а у меня уже не осталось сил, чтобы «держать себя в руках».

– Прекрасно! Просто идеально! – прошипела я сквозь стиснутые зубы, сражаясь с мокрым нейлоном. В конце концов сдалась, сложила жалкие остатки защиты и, натянув капюшон тонкой куртки, побежала к остановке через дорогу. Вода моментально нашла лазейку за воротник, ледяная струя поползла по позвоночнику, а туфли отчаянно скользили по мокрой плитке, грозя обернуться падением при неудачном шаге.

Я перебежала на мигающий зелёный, сердце колотилось где-то в горле от нелепой, неуклюжей пробежки. И в этот момент мозг, будто в насмешку, выдал картинку. Чёткую, яркую, как кадр из фильма. Не офис. Уютное кафе с тёплым светом и запахом свежей выпечки. За столиком у окна, за которым стекают дождевые струи, сидим мы. Я и Андрей. Он что-то рассказывает, жестикулируя, и смеётся. Не сдержанно, а громко, открыто, закинув голову. И я смеюсь в ответ, чувствуя не привычное напряжение в плечах, а странную, почти забытую лёгкость. Глупо. Невероятно. Но так тепло внутри и так горько на языке.

«Завтра, – пообещала я себе, спотыкаясь о невидимую неровность. Ноготь на мизинце отозвался резкой болью – наверное, сломался. – Завтра подойду. Просто и прямо. «Андрей, не хочешь выпить кофе после работы? Как коллеги». И всё. Будь что будет».